

МЕНТАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

В данной работе, которая охватывает как область философии, так и сферы лингвистики и социологии, рассматривается язык в качестве инструмента формирования политического сознания граждан. На примерах художественных произведений, а также сообщений отечественных и зарубежных СМИ мы описываем способы воздействия на политическое сознание общества при помощи языковых средств.

Суть политического сознания состоит в борьбе принципов и теорий общества. Основной и инструментом этой борьбы является коммуникация. Поэтому язык в политике – то же, что кислород в атмосфере: язык является особым, исключительно важным компонентом политики. Восприятие политических реалий формулируется с помощью средств и образности языка. Слова не просто характеризуют политику – они сами являются ее частью. Можно утверждать, что выбор слова в большинстве наших рассуждений является актом политическим.

Академическая наука, изучающая политику, оказалась неспособной разработать общепринятую, «нейтральную» лексику наподобие той, которая существует в естественных науках и – до некоторой степени – в экономике. Поэтому изучение политики, как и она сама, часто оказывается ареной состязания в словесном искусстве, языковой игрой. Даже Мао Цзэдун, заявивший, что «политическая власть растет из ствола винтовки» (1), считал, что для достижения коммунистической цели «красные книжечки» с его изречениями служат лучше, чем пули. Однако тот факт, что сила воздействия пера неизмеримо превосходит силу меча, вызывает затруднения в понимании проблемы. Например, многие поборники феминизма настаивают на том, что язык является атрибутом патриархата, или власти мужчин, и даже Бог в нашем представлении мужского рода. Можно предположить, что язык способствует внедрению в сознание и укоренению представлений о господствующей роли мужчин в общественных институтах. Вместе с тем чрезвычайно сложно наглядно продемонстрировать политическую нагрузку словоупотребления или опровергнуть голословные заявления о том, что это всего лишь слова. Еще

труднее показать роль языка как инструмента «власти» (в любом приемлемом смысле) в обществе. В романе «1984» Джордж Оруэлл изобразил общество, где государство манипулирует народом посредством преднамеренного насаждения особого языкового жаргона – «новояза» (2), почти полностью лишенного нравственного и особого смыслового содержания, имеющего столь важное значение. В основном это отражало представления Оруэлла о тоталитаризме; вместе с тем роман можно рассматривать как сатиру практически на любую политическую пропаганду и любое ораторствование, поскольку политики, стремясь манипулировать людьми при помощи языка, неизбежно впадают в демагогию.

Впрочем, на самом деле власть имущим редко удавалось (если вообще удавалось) влиять на развитие языка, который обычно отражает динамику изменений, выходящую далеко за пределы политической сферы. Можно издавать законы о языке, как это делает Французская академия, которая всегда пыталась законодательно поддерживать чистоту французского языка. Но применить такое законодательство невозможно. Язык – исключительно важный аспект политики, однако почти невозможно разделить в нем причины и следствия или объяснить его средствами природы власти.

Немецкие интеллектуалы XVIII и XIX вв., такие как И.Г. Фихте, И.Г. Гердер, утверждали, что немцем человека делает триада: язык, сознание и территория. Владеть языком – значит быть носителем определенного сознания; прибавьте к этому общность территории – и такое сознание становится национальностью. Многие их рассуждения представляются сейчас слишком упрощенными, так как были высказаны до появле-

ния большого числа наций, говорящих по-испански либо по-английски. Тем не менее уже в XX в. тот же подход характерен для валлийских авторов, таких как Сондерс Льюис, Берресфорд Эллис и Нед Томас, патриотическая программа которых почти полностью сводится к борьбе за сохранение валлийского языка.

В дискуссии 1990-х гг. о европейском единстве выявилось, что слово «федерализм» в разных языках имеет совершенно разные значения, в частности в зависимости от опыта национального развития. На территории большинства государств всегда проживало более одной языковой группы. И положение это продолжает существовать, поскольку, хотя «глобальные» языки (в т. ч. английский, занимающий первое место в мире по числу говорящих на нем) и склонны вытеснять менее распространенные, эта тенденция нейтрализуется благодаря миграции и направленной политике.

В многоязычном обществе в той или иной мере всегда имеет место «языковая политика», поскольку неизбежно возникают вопросы языка, связанные с образованием, дело- и судопроизводством, а также контролем над средствами массовой информации. Однако лишь в отдельных странах политика в отношении языка входит в число первостепенных задач государства, принимая при этом весьма различные формы. На Мальте длительная борьба английского и итальянского как потенциально «официальных» языков завершилась победой английского, ставшего народу с мальтийским вторым государственным языком. В Израиле с успехом был возрожден иврит – ныне он является важным элементом национального единства, а в Ирландии попытка возрождения гэльского языка (иногда его называют ирландским или ирландским гэльским языком) вызвала бурные разногласия и не увенчалась успехом. Чернокожая молодежь Южной Африки восстала в 1970-е гг. против обучения на африкаанс – языке, являющемся африканским диалектом голландского, развившемся до письменной формы в результате становления «бурского» национализма. Канадское федеральное правительство боролось за утверж-

дение двуязычной системы (английского и французского языков) по всей Канаде. В Бельгии борьба между жителями, говорящими по-французски и по-фламандски, привела к утверждению крайней формы федерализма и установлению внутри одного государства строго обозначенных границ, в пределах которых используется соответствующий официальный язык. Аналогичная система действует в Швейцарии, где немецкоговорящее большинство сосуществует с франко- и италогворящими меньшинствами, хотя там проблема никогда не стояла так остро, как в Бельгии.

Говоря о социальной защите различных меньшинств и других групп, чьи права постоянно ущемляются, нельзя не упомянуть недавнее явление, которое продемонстрировало, насколько сильно коррекция языка может повлиять на общественные отношения.

Явление, инициированное в конце 80-х годов прошлого века общественными организациями США, одобренное американскими властями и распространившееся по всему миру, получило название «политическая корректность». Данная программа, направленная на повышение уровня толерантности в обществе, привела к кардинальным изменениям в социальной жизни и серьезным образом повлияла на язык. Западное общество, с его очевидными достижениями в области эмансипации женщин, фактическим уравниванием в правах сексуальных меньшинств и повышенной лояльностью к другим незащищенным группам, больше не могло терпеть таких некорректных и «дремучих» формулировок, как «businessman» (бизнесмен) или «crippled» (инвалид). В слове «businessman» «man» означает мужчину. Из этого следует, что данная профессия либо создана для сильного пола, либо предпочтительна для осуществления лишь мужчинами. Естественно, в пору, когда многие женщины доказали своей карьерой, что прекрасный пол вполне успешно может осуществлять предпринимательскую деятельность, а иногда делать это и лучше некоторых представителей пола сильного, наступил момент, когда возникла необходимость в коррекции обозначения профессии. Так появилось сло-

во «businesswoman» для обозначения женщины-предпринимателя (в России слово «бизнесвумен» тоже периодически звучит, но, вероятно, по причине малого количества женщин в бизнесе пока не приобрело такую массовость, как на Западе) и «businessperson» (person – человек, индивид), обозначающее абстрактно профессию предпринимателя. Также произошло со всеми остальными профессиями, которые заканчиваются на «man» и в которых женщины пытаются действовать на равных с мужчинами: «fireman» – «пожарный» («fire fighter» – «борец с огнем»), «chairman» – «председатель» («chairperson» – «председательствующий индивид»). Однако с другой стороны, существуют и профессии, обозначения которых подразумевают отношение их только к женскому полу (из-за окончаний женского рода или корней, обозначающих женщину). Такие слова (среди которых «house maid» – «домработница» и «stewardess» – «стюардесса») тоже подверглись ревизии, несмотря на то, что количество мужчин в них по-прежнему близко к нулевой отметке и нет никаких сигналов о том, что в ближайшее время оно начнет расти. Таким образом, «house maid» превратилась в «domestic engineer» («оператор домашних работ»), а «stewardess» – в «flight attendant» («проводитель полета»). Помимо этого, произошли изменения и в обозначении других социальных групп. Так, «imbecile» («имбецил») заменили на «mentally challenged» («умственно неполноценный»), термин «homosexual» («гомосексуалист») сочли слишком медицинским и бесполом и разделили на корректные «gay» («гей») и «lesbian» («лесбиянка»). Не менее кардинально поменялась картина с национальными обозначениями. «Чернокожий» («black») стал «афроамериканцем» («Afro-American»), индеец («Indian») – «коренным американцем» («Native American»), а крайне некорректные «nigger» («ниггер», «черномазый») и «dago» («читальяшка-макаронник») вовсе приравнивали по грубости к нецензурным и пригрозили лишать лицензии СМИ, в эфире и на страницах которых можно увидеть или прочесть эти слова (7).

По прошествии почти двух десятилетий существования политкорректности вполне

можно подвести некоторые ее итоги и задать вопросы: каковы результаты этой политики? Насколько сильно языковые изменения привели к трансформациям политического сознания граждан? С одной стороны, можно заметить явное повышение уровня терпимости между социальными группами. Появились некоторые этические барьеры, которые ограждают незащищенные слои общества от хамства и унижения. Однако, если взять голые статистические цифры, то картина мало чем изменилась: численность националистических организаций, которые сначала питали ненависть к «ниггерам» и «жидам», а теперь к «афроамериканцам» и «лицам семитской национальности», не убавилась, как и не изменилось вместе с наименованием и их отношение к данным национальностям; после того как «инвалиды» стали называться «людьми с ограниченными физическими способностями», количество отказов таким людям в трудоустройстве также не уменьшилось.

Таким образом, можно констатировать, что языковые инициативы политического характера приносят успех в основном в случаях, когда речь идет об идеологическом воспитании населения, а не влиянии на ментальность конкретного народа и вмешательстве в естественный ход социальной эволюции.

В эпоху развития массовых коммуникаций одним из главных инструментов в борьбе политиков за народное доверие стали так называемые политические технологии. Сталин называл писателей «инженерами человеческих душ». Сегодня эту миссию более эффективно выполняют средства массовой информации. Для произведения нужного впечатления на аудиторию иницируются дискуссии на нужные темы, проводятся информационные кампании, влияющие на политическое сознание масс и добавляющие в копилку их инициаторов дополнительные политические очки. Любой политтехнолог скажет, что важнейшим среди такого рода умений является правильный способ обработки и подачи информации, который придется по душе конкретной политической силе и будет интерпретирован аудиторией в позитивном для этой силы ключе. И чрезвычайно важным здесь представляется умение

нужным образом расставить акценты и подобрать подходящие формулировки. В этом случае на помощь приходят развитые языковые навыки, и язык является важнейшим инструментом воздействия на сознание масс.

Необязательно быть человеком, заставшим советское время, чтобы помнить такие языковые клише, как «капиталистические акулы», «загнивающий Запад», «клоака сионизма» и проч. Данными словосочетаниями пестрила советская пресса в период противостояния с капиталистическим лагерем. С другой стороны, для населения США по-прежнему памятливы такие фразы, как «империя зла», «красная угроза» и т. д. Власти умышленно вбрасывали в сознание народов эти штампы, чтобы у населения формировалось позитивное отношение к политическому курсу своей страны и агрессивное неприятие доктрины противника. Особенно любопытно выглядела языковая ситуация в период холодной войны. Подобно тому, с какой опаской смотрят сегодня в США на лиц, говорящих на арабском языке, в середине прошлого века язык страны-противника сам по себе ассоциировался со злом. Очень явственно это видно в романе американца Энтони Берджесса «Заводной апельсин» («A Clockwork orange», 1967). Главный герой произведения – трудный подросток Алекс, проводящий свои вечера за нападениями на обыкновенных граждан, грабежом, насилием. Он порочен по своей сути, поскольку насилие для него – источник наслаждения и удовлетворения. Образ сам по себе крайне негативный и не вызывает ничего, кроме осуждения и ненависти. Однако Берджесс идет еще дальше, и в качестве последнего и важнейшего штриха к образу злодея он создает особый язык, на котором говорит персонаж: сленг, состоящий из английского языка, который изобилует руссизмами, ассимилированными в фонетико-грамматическую парадигму английского языка.

*«You have **govoreeted** (говорить) my thoughts for me»(...) And I make with a like deep bow, smiling like **bezoomny** (безумный) but thinking all the time. But when we got into the street I **viddied** (видеть) that thinking is for **gloopy** (глу-*

*пый) ones and the **oornny** (умный) ones use like inspiration and what **Bog** (Бог) sends... (6)*

«Ты высказал мои мысли за меня» (...) И я как бы низко поклонился, улыбаясь как идиот, но постоянно думая. Но потом, когда мы вышли на улицу, я понял, что раздумья – это для дураков, а умные пользуются вдохновением, ну или что там Бог посылает...

Русское слово «хорошо» Берджесс трансформирует в фонетически схожее «horrog show» (дословный перевод – «шоу ужасов»), что тоже символично. Что для Алекса (а значит – и для носителей языка-донора, т. е. русского) хорошо, то для западного жителя – кошмар и ужас.

Пытаясь проникнуть в сознание жителей капстран 60-х годов прошлого века, можно предположить, что при чтении этих строк они испытывали чувства, схожие с теми, которые переживают почвенники-славянофилы при чтении глянцевого журналов, изобилующих модными заимствованными словечками, например «фэшн», «стайл», «гламур».

Со сменой политического строя, а следовательно, и мышления граждан, меняется и язык, на котором власть говорит с народом. После распада Советского Союза и общего разочарования в социалистических ценностях прежний языковой код потерял свою силу, и вместе с новой ментальностью пришли и новые ценности, которые были заключены в языковых посланиях. Однако резкого переключения не получилось. Рассмотрим это на примере бизнеса. В начале 1990-х годов предпринимательство официально было признано легальным видом трудовой деятельности и даже поощрялось сверху. В народе же слова «спекулянт» и «делец» по-прежнему носили негативный характер и чуть ли не приравнивались по смыслу к словам «мошенник» и «жулик». Потребовалось десятилетие, чтобы окончательно избавиться от негативных коннотаций, которые стабильно сопровождали термины, связанные с коммерцией, рынком и частной собственностью. Усугубляло ситуацию то, что в начале последнего десятилетия прошлого века предпринимательство действительно

было тесно связано с преступным миром, поэтому существование указанного выше ассоциативного ряда было вполне обоснованно. Со временем, ощутив все богатство возможностей, которые дает частная собственность и независимость от государства, население постепенно переменяло отношение к бизнесу, и теперь словосочетание «преуспевающий бизнесмен» означает скорее «человек, добившийся успеха в жизни», чем «человек, обворовавший страну».

Однако покуда существует политическое противодействие меду партиями и государствами, мы будем наблюдать многообразие языковых средств, к которым прибегают участники политического процесса, чтобы переманить на свою сторону больше аудитории. Во время какого-либо политического события любопытно посмотреть, как освещают его в различных странах.

Возьмем, к примеру, сообщения о смерти лидера чеченских боевиков Шамиля Басаева.

Вот как об этом было рассказано на ленте российского информационного агентства «РИА Новости»:

Один из самых одиозных террористов Шамиль Басаев был уничтожен в ночь на 10 июля 2006 года на окраине селения Экажево Назрановского района Ингушетии в результате спецоперации. Вместе с ним были ликвидированы еще 12 бандитов, в том числе подручный Доку Умарова – Тархан Ганижев. (...) «Басаева и его группу отслеживали в течение нескольких дней оперативники, и после того, как стало ясно, что боевики под руководством Басаева готовят крупный теракт, было принято решение уничтожить главаря боевиков вместе с оружием и взрывчаткой», – сказал собеседник агентства. (3)

Так данную весть донес официальный сайт чеченских сепаратистов «Кавказ-Центр»:

Погиб Шамиль Басаев, один из лидеров чеченского военного сопротивления российской оккупации чеченского государства. Басаев

противостоял очередной российской экспансии Кавказа, отвечая врагу его же методами. (...) В памяти чеченского народа Шамиль Басаев навсегда останется его защитником, а российские варвары – агрессорами и террористами.

Дала Газот кобалла дойла хьан, Шамиль! (5)

А вот так об этом событии рассказала литовская газета «Veidas»:

Для чеченцев это самый большой удар с 1996 года, когда российская авиация разбомбила Джохара Дудаева – президента Чечни, первым объявившего о независимости от России. (...) Чеченский полевой командир погиб рано утром в понедельник при перевозке большого количества взрывчатки. (...) Ш. Басаев пытался оправдать свои террористические действия священной борьбой за свободу Чечни. Он отличался особым упорством, жестокостью, даже политической несообразительностью. Из его уст звучали призывы создать исламский халифат, протянувшийся от Балтики до Черного моря. Несмотря на это, Ш. Басаев был чеченским национальным героем. Его гибель – большая потеря для тех, кто день и ночь боролся за свободу Чечни. (4)

При прочтении первой цитаты не остается сомнений в том, что отношение редакции «РИА Новости» и его учредителей к личности Басаева откровенно негативное. «Одиозный террорист», «бандиты», «главарь боевиков» – использование таких формулировок говорит об одном: в массовом сознании российского народа (который является целевой группой данного информационного агентства) Басаев является преступником, убийцей детей и невинных граждан, а также главарем преступной банды, пытающейся нанести ущерб конституционному строю государства. Причем сообщается, что Басаев был «уничтожен... в результате спецоперации», то есть устранен в соответствии с правилами, оговоренными в уставе внутренних войск. Слово «убийство» не было использовано, поскольку «убийство» – это метод антагониста. Метод же протагониста – «ликвидация» или «нейтрализация».

В сообщении рупора чеченских «муджахидов» все представлено практически зеркально. Здесь российские войска называются «террористами», а Шамиль Басаев – «защитником... чеченского народа». Слово «оккупация» заставляет читателя задуматься о том, что у противоположного лагеря есть совершенно другая картина ситуации, в рамках которой русский солдат – не освободитель, а оккупант и «варвар», а истинные борцы за свободу – это руководители так называемого «Правительства Ичкерии в изгнании», противостоящего «российской экспансии Кавказа».

Наконец, литовские журналисты, у которых в рассказах о России и СССР слово «оккупация» упоминается наиболее часто, попытались осветить это событие нейтрально, не склоняясь ни на чью сторону. «Чеченский полевой командир» – формулировка действительно отстраненная. Однако в предложении о том, что Басаев был «чеченским национальным героем», и о том, какая это большая утрата «для тех, кто день и ночь боролся за свободу Чечни», проглядывается откровенная симпатия к личности погибшего боевика и заву-

алированное сожаление по поводу того, что он больше не сможет осуществлять свою деятельность.

Если только на мгновение представить, что вы живете в местности, где вы можете получать информацию только из одного из вышеуказанных источников, станет ясно, что ваша политическая картина мира неизбежно будет предвзятой и навязанной. Политические убеждения – вещь, несомненно, субъективная; и формирование правильной идеологической базы на самых начальных этапах политической самоидентификации гражданина – задача любого жизнеспособного государства.

Политический аспект языка поднимает сложные и спорные вопросы культуры, самобытности и возможности манипулирования со стороны властей, неотделимые от языковых структур. Иногда язык кажется фактором, определяющим самобытность, а иногда – не имеющим к ней никакого отношения. Следует остерегаться упрощения либо обобщения в том, что связано с языком и политикой, и в то же время помнить, что язык неотделим от политической действительности и является ее частью.

Список использованной литературы:

1. Мао Цзэ-Дун. Избранные произведения в четырех томах. Издательство иностранной литературы, Москва, 1952 .
2. Дж. Оруэлл. 1984. МедЭкспертПресс, Москва, 1994.
3. Официальный сайт «РИА Новости»: http://www.rian.ru/defense_safety/investigations/20061227/57968191.html
4. Сайт агентства «Ино-СМИ»: <http://www.inosmi.ru/translation/228860.html>
5. Сайт «Кавказ-Центр»: <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/07/11/45799.shtml>
6. A. Burgess. A Clockwork Orange. W. W. Norton & Company; Reissue edition, London, UK 1986.
7. H. Shapiro. Political Correctness and American Historical Profession. «The Free Press, New York, USA 1997.